

Ю.Н. Гаркуша, А.В. Новиков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: yunga1971@ngs.ru

Дверные проемы и дверные полотна из построек Усть-Войкарского городища (по материалам 2012–2016 годов)

В научный оборот вводятся данные по истории традиционного домостроения коренного населения севера Западной Сибири. Привлечены материалы Усть-Войкарского городища (ЯНАО). Поселение принадлежало аборигенному населению севера Нижнего Приобья. Наличие мерзлого культурного слоя обеспечило сохранность архитектуры поселения. Это позволило получить детальное представление об устройстве различных элементов традиционного жилища. В статье рассмотрены особенности конструкции дверных проемов и дверных полотен из жилых построек. Время сооружения исследованных объектов домостроения, по данным дендрохронологии, приходится на период последней трети XV в. – середину XVIII в. Рассмотрена конструкция 15 дверных проемов. Она демонстрирует свою устойчивость на всем протяжении истории строительства поселения в указанный период. Проемы были оборудованы для установки дверей с пяточными шипами. Следовательно, как минимум с последней трети XV в. двери с пяточными шипами становятся частью домостроительной традиции жителей Усть-Войкарского городища. Проанализированы 9 дверных полотен. Они демонстрируют значительное сходство с конструкцией дверей из раскопов Новгорода XII–XV вв. Общие черты в конструкции дверных полотен: наличие пяточных шипов, сборка полотна с помощью брусков, расположенных в пазах, угловое расположение пазов, сплочение в паз, большая длина верхнего пяточного шипа. Все перечисленные технологические приемы становятся основными в конструкции дверных полотен в русском деревянном зодчестве. Появление в строительной культуре коренного населения дверных проемов и дверных полотен выявленных типов рассматривают как влияние материальной культуры жителей европейской части России.

Ключевые слова: Усть-Войкарское городище, север Западной Сибири, дверные проемы, двери с пяточными шипами, русское деревянное зодчество, традиционное домостроение.

Yuri N. Garkusha, Andrey V. Novikov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: yunga1971@ngs.ru

Door Openings and Door Panels from the Houses at the Ust-Voikar Site (The Evidence of 2012–2016)

This article presents the data on the history of traditional house-building by the indigenous people living in the northern part of Western Siberia. The research is based on the evidence from the Ust-Voikar site in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, which used to be inhabited by the indigenous population of the Northern Lower Ob region. The fact that the habitation layer was in permafrost, ensured good preservation of structures at the settlement and made it possible to obtain a detailed picture of how various elements were arranged in traditional dwelling. The article describes the structural features of door openings and door panels of residential buildings. According to dendrochronological data, these structures were built from the last third of the 15th century to the mid 18th century. Structural features of 15 door openings which were analyzed, demonstrate stability throughout the entire period of settlement's functioning. Door openings were designed for setting up doors on pivot hinges. Thus, at the very least since the last third of the 15th century, doors on pivot hinges were a part of house-building tradition for the dwellers of the Ust-Voikar site. Nine door panels have been analysed. Their design shows significant resemblance to the design of door panels from the 12th–15th centuries, found in

Novgorod excavations. The common features in door panels include the presence of pivot hinges, assemblage of planks for door panels fastened by rails placed in grooves, angled position of grooves, and extended length of the upper pivot finger. All these technological methods were basic for Russian wooden architecture. Incorporation of these types of door openings and door panels into the building culture of the indigenous people can be viewed as a result of the influence by the material culture of the residents of the European part of Russia.

Keywords: *Ust-Voikar site, northern part of Western Siberia, door openings, pivot hinged doors, Russian wooden architecture, traditional house building.*

Раскопки средневековых поселенческих комплексов с мерзлым культурным слоем на севере Западной Сибири, в ряду которых находится Усть-Войкарское городище (Шурышкарский р-н ЯНАО), позволили получить детальное представление не только об особенностях архитектурно-планировочной организации поселений. Хорошая сохранность остатков строений способствовала получению значительно большего объема данных о технико-технологических параметрах архитектурных сооружений, что дает возможность сопоставить корпус полученных археологических данных с этнографическими материалами по традиционному домостроительству.

В данной публикации рассматриваются такие элементы конструкции домов, как дверные проемы и дверные полотна, обнаруженные в ходе работ 2012–2016 гг.

Дверные проемы. Архитектура представлена комплексом малогабаритных (с длиной стен 2,5–3 м) и крупногабаритных (5–8 м) каркасно-столбовых и срубных (смонтированных из горизонтально уложенных бревен) жилищ. Для каркасно-столбовых строений приводятся материалы только малогабаритной застройки, так как у крупногабаритных жилищ этого типа уровень расположения основания дверных проемов на стадии полевых исследований достигнут не был.

Дверные проемы выходили непосредственно на улицу либо соединялись с ней посредством небольшого коридора. Его ширина в целом соответствовала общей ширине дверного проема, а длина, судя по имеющимся примерам, составляла около 2 м.

Нижние части проемов были выявлены в 9 жилых постройках (жилой статус определялся наличием очажной конструкции). Конструкция дверных проемов во всех них была сходной. Их основания выполнялись в серединной части лицевого фасада, во 2-м снизу бревне из горизонтального стенового набора каркасных построек или в бревне 2-го венца. Среди срубных построек отмечен случай (постройка № 3А*), когда дверной проем готовили выше 2-го венца. Несомненно, что низкое располо-

жение проемов сыграло положительную роль в их сохранности. Так, материалы новгородских раскопок показывают, что дверные проемы удавалось фиксировать очень редко, так как двери располагались, как правило, выше 4-го венца [Засурцев, 1963, с. 40; Кудрявцев, 2018, с. 254].

Основания проемов изготавливались в бревне, длина которого соответствовала длине фасада. Некоторые из них содержали поперечные пазы для кольев, фиксирующих уложенные бревна. Зафиксированы два варианта обработки древесины, использованной для установки основания дверного проема. Первый вариант: цилиндрическое бревно, в серединной части которого вырубалось основание проема. Поверхности, смежные с другими бревнами из стенового набора, как правило, подтесывались для более плотного прилегания (рис. 1, 1). Второй вариант: цилиндрическая часть сохранялась в середине бревна, в пределах размещаемого основания. Боковые поверхности сильно подтесывались, в результате чего сечение древесины приобретало вид бруса, обработанного на два противоположных канта (по другой терминологии – лафет) (рис. 1, 2).

Для основания проема в толще бревна вырубалась одна четверть с внутренней стороны помещения. Таким образом, порог (как его определяют в современном строительстве – возвышение над уровнем пола или брус, расположенные в нижней части проема) составлял единое целое с бревном, а пороговая плоскость становилась своеобразной ступенью. Высота порога варьировалась в зависимости от размера поперечного сечения древесины – от 4 до 9 см.

В одном случае (постройка № 9А) на пороговой плоскости с помощью деревянных шпонок была прикреплена доска, ширина которой соответствовала ширине ступени. Ряд из 3–4 отверстий с остатками шпонок выявлен на поверхности еще двух плоскостей (постройки № 3, 7). Необходимость установки такой детали вряд ли вызвана острой необходимостью ремонтных работ, так как повреждений на пороговых плоскостях не отмечено.

Проем оформлялся посредством цилиндрических боковых стоек. Нижний торец был оформлен в виде прямоугольных пазов, которыми стой-

*Нумерация построек, принятая в 2012–2016 гг.

1

2

3

4

0 20 см

5

Рис. 1. Усть-Войкарское городище.

1 – постройка № 4. Основание дверного проема. Вид с юго-востока; 2 – часть скопления бревен с основанием дверных проемов, обнаруженных под юго-восточной стеной постройки № 1. Вид с запада; 3 – постройка № 7. Основание дверного проема. Вид с севера; 4 – изделие 1. Дверное полотно. Постройка № 2А (на снимке ошибочно положение верхней планки. В действительности ее левый фрагмент должен быть смещен влево; желоб должен располагаться между крайней парой отверстий); 5 – изделие 2. Фрагмент дверного полотна. Постройка № 3А.

ки фиксировались по бокам проема в специально подготовленных углублениях. Бревна стенового набора закреплялись в продольном треугольном пазу стойки. В ряде случаев верхняя поверхность бревна по обе стороны от порогового выруба име-

ла небольшие подтесанные площадки для более плотного прилегания устанавливаемых стоек, оформляющих проем. Такие площадки готовились не всегда, но обязательным элементом являлись прямоугольные пазы по бокам бревна либо подте-

санные участки, в которые вставлялись стенки торцевых пазов стойки. Следов дополнительного крепления стоек к основанию, например с помощью шипов, не зафиксировано.

Установлено, что для малогабаритных строений ширина дверного проема (в данном случае – длина пороговой плоскости) варьировалась от 0,43–0,45 м (в большинстве случаев) до 0,56 м. Для крупногабаритных построек ширина находилась в пределах 0,7–0,76 м.

На каждой пороговой плоскости выдолблено чашевидное углубление (подпятник), предназначенное для установки одностворчатых беспетельных дверей с пяточными шипами. От края плоскости к углублению, под углом к длинной оси бревна выдалбливался узкий паз, по которому нижний шип заводили в углубление (см. рис. 1, 1). Вероятно, в первую очередь в подпятник устанавливался верхний шип дверного полотна, а затем выдалбливался паз нужной глубины для заведения в углубление нижнего шипа.

Вертикальная плоскость порога препятствовала свободному вращению двери. Таким образом, дверь открывалась внутрь помещения. Подпятники размещались как с правой стороны при входе в помещение, так и с левой, что говорит об отсутствии устойчивых предпочтений при определении направления открывания дверей.

Иное приспособление для фиксации шипа зафиксировано в срубной постройке № 7. В левом краю (при входе в помещение) пороговой плоскости был вырублен паз, в который установлен брус 10 × 10 см высотой 15 см. На его вершине был выдолблен подпятник (рис. 1, 3). Появление такой детали с большой вероятностью вызвано необходимостью ремонта в месте крепления двери. Такое простейшее приспособление для вращения двери широко применялось обскими уграми и по наблюдениям этнографов [Соколова, 1963, с. 195, 206], являлось частью устройства, расположенного с внешней стороны постройки.

Отметим, что количество деталей фасадов, в которых изготовлено основание дверного проема, превышает число исследованных построек. Это вызвано тем, что часть изделий находилась во вторичном использовании. Примечательна ситуация, зафиксированная при демонтаже срубной постройки № 1. Помимо основания проема во 2-м, последнем сохранившемся венце, таким же элементом располагало и бревно 1-го венца этой же стены. В свою очередь, под 1-м венцом располагалась кладка еще из пяти бревен, стратиграфически разделявшая уровни расположения построек № 1 и 1А, на руинах которой и было построено первое сооружение (см. рис. 1, 2). Интересно отметить, что порого-

вые плоскости в древесине из этой кладки имели практически одинаковую длину и демонстрировали единое направление открывания пяточной двери – влево, в то время как в срубке дверь открывалась направо.

Двери. Находки дверных полотен в раскопах достаточно редки. Например, за годы археологического исследования Новгорода выявлено 19 дверных полотнищ разной степени сохранности [Кудрявцев, 2018, с. 257]. Единичный характер таких находок объясняется, по мнению исследователей, тем, что после прекращения их использования по прямому назначению двери либо целиком, либо в разобранном виде применялись уже для других целей, например в качестве элементов различных настилов. Эти наблюдения подтверждаются и контекстом обнаружения части дверных полотен из Усть-Войкарского городища: некоторые из них служили частью настилов, формирующих покрытие пола в разных местах помещения. Только одна дверь находилась непосредственно у дверного проема (постройка № 2А). Коллекция дверных полотен насчитывает 6 предметов; еще три изделия находились в плохом состоянии, не позволившем сохранить их целостность.

Изделие 1 (рис. 1, 4). Практически целая дверь обнаружена в заполнении малогабаритной каркасно-столбовой постройки № 2А. Дверное полотно с пяточными шипами, имевшее незначительные повреждения, найдено в створе дверного проема. Шипы (пятники, пятки) – выступы, обеспечивающие вращение двери в подпятниках.

Полотно собрано из двух хорошо обтесанных досок; смежные грани подтесаны. Верхняя и нижняя грани закруглены подрезкой. Высота полотна (без учета длины шипов) – 52 см. Одна доска имела ширину 26 см, другая (поврежденная) – 12,5 см; толщина 1,2–1,5 см. Общая ширина сохранившихся деталей полотна – 39 см. Таким образом, была утеряна лишь небольшая часть полотна, учитывая длину пороговой ступени в постройке в 45 см.

Сплощенные доски были соединены посредством двух параллельных планок, расположенных на одной из плоскостей. Они имели уплощенную поверхность для лучшего прилегания к полотну и поперечные желоба на концах. Планки были соединены с полотном с помощью деревянных шкантов и притянуты саргой через желоба на планках и сквозные отверстия в полотне.

Длина шипов различается – от 1,5 (нижний) до 2,5 см при отсутствии следов повреждения, что вряд ли является случайностью. Очевидно, первоначально в подпятник устанавливали длинный верхний шип, а затем по желобу в ступени заводили в чашу нижний. Широкая доска имела следы

ремонта: в трех местах через пары сквозных отверстий посредством сарги была скреплена трещина. Известно, что для лучшего скольжения дверных пяток в подпятники подкладывались деревянные дощечки или куски глиняных горшков, которым придавалась круглая форма [Белов, Овсяников, Старков, 1981, с. 17]. В войкарских постройках такого не обнаружено.

Изделие 2 (рис. 1, 5). Здесь дверное полотно частично было перекрыто нижним венцом срубной постройки № 3А, из чего следует, что оно может быть и не связано с этим жилищем. Боковые части полотна обрублены, в результате чего пяточные шипы, наличие которых можно предполагать с большим основанием, не выявлены. Верхняя и нижняя грани ровно подтесаны, что позволяет считать установленную высоту полотна (62–63,5 см) реальной высотой двери.

Сохранившаяся часть полотна собрана из двух сплоченных досок, скрепленных двумя брусками, которые были загнаны в пазы, имеющие трапециевидное сечение («ласточкин хвост»). Внешняя ширина пазов – 2,5 и 3 см; внутренняя – 3,5 и 4 см; глубина – 2 см. С учетом длины выступающего за пределы полотна сохранившегося бруска ширина двери была более 40 см. Бруска расположены под углом друг к другу. Между ними имеются два отверстия со сторонами около 1,5 и 3,5 × 3 см. Одно из отверстий на внутренней стороне полотна переходит в крупный треугольный выруб, который, вероятно, является следствием повреждения двери. Эти отверстия могли быть признаком наличия дверной рукоятки.

Обращает на себя внимание продольный профиль полотна: с одной стороны оно имеет плоскую поверхность; с другой – от верхней и нижней грани полотна толщина досок с 1,5–2 см постепенно увеличивается к серединной части, образуя уплощенный выступ толщиной около 3,5 см.

Изделие 3 (рис. 2, 1). Фрагмент дверного полотна с пяточным шипом обнаружен в заполнении расположенных ярусом срубной постройки № 1 (верхняя) и каркасно-столбовой № 1А. Представлена доской шириной 27 см; реконструируемая высота полотна 52–53 см. Пяточный шип сохранился один; судя по его длине (около 3,5 см), он был верхним. Полотно набиралось из досок в треугольный паз. Крепеж осуществлялся посредством двух брусков, загнанных в трапециевидные пазы. Пазы выполнены на всю ширину доски; глубина – 3,5 см. Дополнительно бруски крепились посредством деревянных шкантов. Данное изделие отличается обработкой плоскостей. Они обтесаны таким образом, что обе плоскости приобрели выпуклую форму. В силу этого толщина

доски от краев к серединной части увеличивается с 3,5–4 до 7 см.

Несколько фрагментов дверных полотен связано со срубной постройкой № 7. Однако контекст их обнаружения говорит о вторичном использовании – в качестве деталей различных настилов.

Изделие 4 (рис. 2, 2). Доска длиной 66,5 см; узкие грани подрублены достаточно ровно, что позволяет соотнести ее длину с действительной высотой дверного полотна. Ширина доски 21,0–21,5 см. Одна боковая грань имеет уплощенную поверхность, другая достаточно неровная. Однако ее вид позволяет предположить скорее неаккуратную обработку, нежели повреждения. Пяточные шипы не выявлены.

Сплочение досок в полотно осуществлялось посредством двух брусков, загнанных в трапециевидные пазы. Параллельные пазы были выполнены на всю ширину доски, глубина 4,5–5 см.

Примечателен продольный профиль полотна: постепенное увеличение толщины изделия от нижнего и верхнего краев к местам расположения пазов. Толщина постепенно изменяется от 1,7–2,2 до 3,8–4 см. В свою очередь, участок между пазами подтесан до толщины 2,8 см. Другая поверхность полотна плоская. Специфическая обработка формирует вид изделия как имеющего два выступа на одной поверхности.

В одном из пазов сохранился фрагмент бруска длиной 45,5 см. В его торце зафиксирован деревянный клин.

Изделие 5 (рис. 2, 3). Доска длиной 64,5–66 см; узкие грани подрублены достаточно ровно, что позволяет соотнести ее длину с действительной высотой дверного полотна. Ширина доски 19,5 см. Пяточные шипы не выявлены. Одна боковая грань подтесана неаккуратно, что не могло обеспечить плотное прилегание к смежной доске. Другая грань имеет по краям вырубленные площадки, в результате чего в серединной части образовался выступ 32,5 × 2,5 см. Функциональное назначение такого выступа неизвестно; возможно, его появление связано уже со вторичным использованием этой части дверного полотна.

Сплочение досок в полотно осуществлялось посредством двух брусков, загнанных в трапециевидные пазы. Параллельные пазы были выполнены не на всю ширину доски, глубина – около 2,5 см. Торец паза образует положительный угол с поверхностью доски.

Доска имеет аналогичную изделию 4 обработку поверхностей, в результате которой на одной из них образуются два выступа. Толщина доски изменяется постепенно от 1,8–2,5 до 4–4,2 см; участок между пазами подтесан до 2,4 см.

Рис. 2. Усть-Войкарское городище.

1 – изделие 3. Фрагмент дверного полотна. Заполнение построек № 1 и 1А; 2 – изделие 4. Фрагмент дверного полотна. Постройка № 7; 3 – изделие 5. Фрагмент дверного полотна. Постройка № 7; 4 – изделие 6. Фрагмент дверного полотна. Межлищное пространство.

Оба изделия обнаружены по отдельности, но схожи между собой степенью сохранности, габаритами и расположением имеющихся технологических элементов, что позволило предположить их принадлежность к одному дверному полотну. Однако попытка реконструкции показала небольшое различие по толщине и несовпадение смежных технологических элементов в месте стыка двух досок.

Возможно, между ними должна была располагаться еще одна доска.

Изделие 6 (рис. 2, 4). Доска длиной 45,5 см с пятью шипами была обнаружена в межжлищном пространстве. Сохранился только один шип, нижний (делаем это предположение исходя из его длины – около 1,5 см). Верхняя и нижняя грани аккуратно подтесаны, что позволяет соотнести длину

доски с действительной высотой дверного полотна. Внутренняя боковая грань имеет незначительные повреждения, но уплощена на большем ее протяжении, что указывает на ширину доски в 20 см как на действительный ее размер. Толщина доски по краям 2–2,2 см. От других дверей ее отличает сплочение посредством одного бруска, но достаточно широкого (6–6,5 см), уложенного в паз. Паз имеет слабо выраженный трапецевидный профиль, что привело к неизбежности дополнительного соединения с помощью шкантов. Продольный профиль доски демонстрирует постепенное увеличение толщины по одной плоскости к ее срединной части, в результате чего образуется уплощенный выступ толщиной около 3,8–4 см.

Еще три доски, использованные в качестве элементов нар в постройке № 7, были отнесены к деталям дверных полотен достаточно условно в силу плохой сохранности. Размеры предметов 112–115 × × 35–38 см при толщине 5–5,5 см. На одной из поверхностей каждого предмета выявлены пары поперечных пазов; пяточные шипы не обнаружены.

Дверные проемы, оборудованные для установки дверей с пяточными шипами, выявлены в постройках, время строительства которых, по дендрохронологическим данным, приходится на последнюю треть XV в. – середину XVIII в.* – время освоения населением европейской части России севера Западной Сибири. Наблюдения над основными особенностями устройства дверных проемов демонстрируют устойчивость их конструкции на всем протяжении истории строительства поселения в указанный период. Следовательно, как минимум с начала этого периода двери с пяточными шипами становятся частью домостроительной традиции жителей Усть-Войкарского городища. Существует большая вероятность того, что и фрагменты других полотен принадлежат дверям с пяточными шипами. Наиболее ранним из обнаруженных экземпляров является фрагмент полотна, который был перекрыт венцом постройки № 3А, сооруженной в конце 60-х гг. XV в. (рис. 1, 5).

Дверные полотна, обнаруженные в постройках городища, в первую очередь демонстрируют значительное сходство с конструкцией дверей из раскопов Новгорода XII–XV вв.: наличие пяточных шипов, сборка полотна с помощью брусков в пазах на «ласточкин хвост», угловое расположение пазов, сплочение в паз, большая длина верхнего пяточного шипа [Засурцев, 1963, с. 41–42, рис. 25, 26; Кудрявцев, 2018, с. 259, рис. 5, 6] – технологические приемы, которые становятся основными в конструк-

ции полотен в русском деревянном зодчестве (см., напр.: [Бломквист, 1956, с. 125; Бодэ, Зинина, 2016, с. 121–122]). К примеру, угловым расположением крепежных брусков в пазах достигалось уменьшение осадки досок, из которых собрано полотно [Белов, Овсяников, Старков, 1981, с. 17].

Обнаруженные двери и их фрагменты не имели признаков запирающих устройств. Вероятно, при необходимости двери подпирались изнутри. Кроме того, практически на всех досках в разной степени присутствуют отверстия, наличие которых не имеет явного функционального обоснования. Вероятно, это результат вторичного использования деталей полотна, но относится ли их появление ко времени после его демонтажа или вторичным являлось уже использование доски в качестве детали полотна – последовательность эксплуатации не ясна.

По мнению исследователей, появление рассмотренных типов дверных полотен в традиционной домостроительной культуре аборигенов Нижнего Приобья – это результат заимствования у непосредственных носителей строительных традиций, бытовавших в европейской части России [Кардаш, 2013, с. 123; Кудрявцев, 2018, с. 257].

Пример малогабаритных построек каркасно-столбового типа демонстрирует, что прочно соотносимые со срубными строениями двери с пяточными шипами и соответственно проемы, оборудованные для их установки, становятся частью домостроительной традиции местного населения еще до того, как им был воспринят полный технологический цикл собственно срубного строительства. Отметим, что на материалах поселения уже были отмечены факты локального применения приемов срубного строительства при создании интерьеров архаичных каркасно-столбовых жилищ, в частности при монтаже деревянного ограждения очажных устройств [Гаркуша, Новиков, 2017].

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири».

Список литературы

Белов М.И., Овсяников О.Ф., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – 152 с.

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // ТИЭ. – 1956. – Т. XXXI: Восточнославянский этнографический сборник. – С. 3–458.

*Датирование выполнено науч. сотр. ИАЭТ СО РАН Ю.Н. Гаркушей.

Бодэ А.Б., Зинина О.А. Традиционные русские плотницкие технологии. – М.: Институт Наследия, 2016. – 142 с.

Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Очажные устройства в жилых постройках городища Усть-Войкарское (по материалам работ 2012–2016 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 294–299.

Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 5–165. – (МИА; № 123: Жилища Древнего Новгорода).

Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки конца XVI – первой половины XVIII в. История и материальная культура). – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 379 с.

Кудрявцев А.А. Дверные полотнища средневекового Новгорода // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв.: в 2 ч. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Институт археологии Севера, 2018. – Ч. I. – С. 254–259. – DOI: 10.31630/978-5-6040401-1-9-2018-1-254-259.

Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // ТИЭ. Нов. сер. – 1963. – Т. 84. – С. 182–233.

References

Belov M.I., Ovsyanikov O.F., Starkov V.F. Mangazeya. Material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprokhodtsev XVI–XVII vv. Moscow: Nauka, 1981, 152 p. (in Russ.).

Blomkvist E.E. Krest'yanskie postroiki russkikh, ukrainsev i belorusov. *Trudy Instituta etnografii*, 1956, vol. XXXI: *Vostochnoslavyskiy etnograficheskiy sbornik*, pp. 3–458 (in Russ.).

Bode A.B., Zinina O.A. Traditsionnye russkie plotnitskie tekhnologii. Moscow: Institut Naslediya, 2016, 142 p. (in Russ.).

Garkusha Yu.N., Novikov A.V. Hearth Structures in the Dwellings of the Ust-Voikarskoe Fortified Settlement (Based on Archeological Research in 2012–2016). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 294–299 (in Russ.).

Kardash O.V. Poluiskiy mysovoi gorodok knyazei Taishinykh (Obdorskie gorodki kontsa XVI – pervoi poloviny XVIII v. Istoriya i material'naya kul'tura). Yekaterinburg; Salekhard: Magellan, 2013, 379 p. (in Russ.).

Kudryavtsev A.A. Door panels of Medieval Novgorod. In *Arkheologiya Severa Rossii: Yugra – volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vv.* Surgut; Nefteyugansk; Yekaterinburg: Institut arkheologii Severa, 2018, pt. I, pp. 254–259 (in Russ.). DOI: 10.31630/978-5-6040401-1-9-2018-1-254-259.

Sokolova Z.P. Materialy po zhilishchu, khozyaistvennym i kul'tovym postroikam obskikh ugrov. *Trudy instituta etnografii. Novaya seriya*, 1963, vol. 84, pp. 182–233 (in Russ.).

Zasurtsev P.I. Usad'by i postroiki drevnego Novgoroda. Moscow: AS USSR Publ., 1963, pp. 5–165 (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; No. 123: *Zhilishcha drevnego Novgoroda*) (in Russ.).

Гаркуша Ю.Н. <https://orcid.org/0000-0002-0935-0213>

Новиков А.В. <https://orcid.org/0000-0002-6418-1061>